

Л.Б. Матхеева

ИД «Март-Медиа», г. Москва

**Тибетский доктор Ринчен Данжинов –
основоположник Агинского манба дацана**

Манба дацан¹ (sman pa grwa tshang, медицинский факультет) при Агинском буддийском монастыре Таши Лхундуб линг (bkra shis lhun grub gling)² был основан в 1884 г. Его основоположником считается крупнейший бурятский медицинский авторитет, талантливый врач, искусный фармаколог Ринчен/Ригцзин Самбу Данжинов. Он был младшим братом седьмого настоятеля (бур.: *ширетуй*) Агинского дацана, Высоконравственного ламы Галсан-Жигжед³ (тиб.: bskal bsang 'jigs byed rdo rje) Данжинова (1816–1899⁴, монашеское имя Сумативаджра), занимавшего эту должность с 1876г⁵. по 1899г⁶. Скорее всего, именно *ширетую* (настоятелю) Галсан-Жимба Данжинову принадлежала идея создания медицинского факультета при возглавляемом им буддийском монастыре. Первоначально медицинская школа не имела своего здания, занятия проходили в юрте, которая стояла неподалеку от здания дацана. Из письменных источников известно (см.: [5, с. 60]), что стараниями *ширетуя* в 1895 г. был построен *манба дуган*⁷. Начиная с этого времени, занятия по медицине и медицинские *хуралы* (богослужения) проводились в новом здании. Интересные сведения содержатся в записях бурятского этнографа и талантливого собирателя Г.-Д. Нацова⁸, который пишет: «Чтению медицинских ритуальных текстов (manba-yin ungsily-a) впервые основательно обучили манрамба (менрамба. – Л.М.) Шойсурэн и тибетский лама – монах Dongid (шаби) лавранского манба дацана» (см.: [5, с. 70])⁹.

Г.-Ж. Данжинов получил прекрасное для своего времени образование в Тибете и считался тонким знатоком тибетского языка и этнографии Тибета. Он отличался исключительно высокой эрудицией и

обладал учёной степенью габчу (bka' bci, «овладевший десятью трудными науками»). Можно утверждать, что Г.-Ж. Данжинов завершил полный курс классического буддийского образования в Тибете, так как степень *габчу* в престижных монастырских университетах присваивается только после успешной сдачи полного цикла буддийских дисциплин. Важно заметить, что медицинская культура (*gso ba rig pa*) входит в комплекс средневековых тибетских наук, освоение которых является обязательным при обучении в центрах буддийской учёности, так что Г.-Ж. Данжинов был образован в области тибетской медицины, что позволяло ему быть также практикующим врачом.

Его младший брат Ринчен Данжинов, с именем которого связывают основание медицинского факультета при Агинском дацане, прославился своими редкими познаниями в области тибетской медицинской культуры и слыл среди местных жителей непревзойдённым экспертом в области теории и практики тибетской медицинской системы. Недаром буряты наделили его благозвучным эпитетом *эмчи-бакша*¹⁰ (т.е. «Учитель-лекарь»). В записях талантливого собирателя Г.-Д. Нацова встречаем: «Его младший брат (Г.-Ж. Данжинова. – Л.М.), которого звали „эмчи бакша“, был учителем всех лам [медиков?], он прекрасно знал тибетскую медицину (эмын номдо ехэ мэргэн лама)» [5, с. 65].

К сожалению, мы располагаем весьма ограниченной информацией о жизни, учебной, практической, педагогической и творческой деятельности бурятского учёного-медика Ринчена Данжинова. Согласно свидетельствам Г.-Д. Нацова, Р. Данжинов умер в 1923 г., в возрасте 97 лет (см.: [5, с. 64]), так что годом его рождения следует считать 1826 г.

Неизвестно, в каком *манба дацане* Ринчен Данжинов получил медицинское образование, кто были его Учителями – духовными наставниками, имел ли он учёную степень в области медицины, в какое время он проходил обучение. Во второй половине XIX в. на территории этнической Бурятии уже существовал медицинский факультет при Цугольском буддийском монастыре Таши Чойпхелинг (*bkra shis chos 'phel ling*), расположенном в энергетически богатом месте, в распадке двух гор на правом берегу Онона и устья речки Цугол, недалеко от Агинского дацана. Цугольская медицинская школа основана в 1869 г. монгольским медицинским интеллектуалом Чой менрамба (*chos sman rams pa*), прибывшим из Сэцэн-Хановского аймака Монголии по приглашению *ишрета* Агинского дацана Галсан-Жимбы Тугулдунова (1815–1872/1873). Она явилась первой в цепочке *манба дацанов* в Забайкалье, впоследствии по её образцу открывались медицинские факультеты в других регионах,

ставшие престижными центрами медицинского образования. Многие буряты из разных географических зон этнической Бурятии активно включились в изучение тибетской медицинской культуры. Это была дань времени, и надо отдать должное бурятским интеллектуалам: они достигли высокого совершенства в этой сложной отрасли тибетских знаний и внесли значимый вклад в тибетскую культуру. Байкальский регион явился самой северной точкой распространения тибетского махаянского буддизма, тибетской культуры и тибетской медицины. Однако вряд ли можно считать, что будущей основатель *манба дацана* при Агинском монастыре учился в Цугольской медицинской школе.

Ко времени основания *манба дацана* в Цуголе Р. Данжинову было сорок три года. Он уже приобрёл славу компетентного врача среди своих земляков – агинцев и жителей соседних территорий. *Эмчи* пользовался большим уважением у благодарных пациентов, поскольку его высокое врачебное искусство позволяло ему излечивать самые сложные заболевания, используя препараты растительного, животного и минерального происхождения, в приготовлении которых бурятский доктор считался непревзойдённым знатоком. Вероятно, у своего духовного Учителя он получил традиционные медицинские познания и определённый набор наставлений и посвящений, дающих разрешение на занятия медициной, включая проведение ритуалов в честь Будды Вайдурьевого сияния (Будды медицины, санскритск.: Бхайшаджьягуру, тиб.: sman la), а также постиг большое число медицинских ритуалов, направленных на улучшение здоровья и исцеление больных. Особую значимость приобретали советы наставника, касающиеся тайных аспектов тибетской медицинской культуры и искусства составления многокомпонентных препаратов, что требует специальной длительной подготовки и использования определённых медитативных практик.

Начиная с первой половины XVIII в., когда буддизм укоренился на обширном культурном пространстве этнической Бурятии, зажиточные буряты отправлялись за знанием в Тибет и соседнюю Монголию. Многие из них, обладая незаурядными способностями, поступали в престижные монастырские университеты, интенсивно осваивали буддийские науки, получали классическое образование, которое строилось по модели крупнейших древнеиндийских монастырей – университетов со специализированными факультетами. Можно предположить, что Ринчен Данжинов завершил полный курс медицинского образования в Монголии, или же познал сложный предмет медицинской науки под руководством крупных монгольских медиков, приезжавших в Трансбайкалье для обучения местных лам искусству

врачевания. Медицинским наставником мог быть и его старший брат, буддийский авторитет Галсан-Жигжед, получивший, как уже говорилось, добротное образование в Тибете. Частное медицинское образование, передаваемое «из уст в уши» по линии великой передачи медицинских знаний от Учителя к ученику, получило большое развитие в странах распространения тибетского буддизма махаяны и в этом плане обширное культурное пространство Забайкалья не составляло исключения.

Согласно монгольским источникам, первая школа тибетской медицины в Монголии была открыта знаменитым традиционным тибетским врачом Лувсанданзаном (1636–1704) в 1685 г. Благодаря плодотворной и активной деятельности выдающихся монгольских *эмчи*-лам, за короткое время существования она получила известность как крупный центр образования, науки и переводческой деятельности. Традиционно медицинское образование считалось прерогативой духовенства. Врачами становились ламы¹¹, поэтому в тибетском языке появился термин *эмчи*-лама (лекарь-лама) или лама-*эмчи* (лама-лекарь). Ими, как правило, становились мужчины и весьма редко женщины. Здесь уместно вспомнить о роли мужчин и женщин в тибетской медицинской культуре – подробные описания и анализ гендерных психологических особенностей появились в ней ещё в раннем буддизме, однако роль женщины в буддийской религиозной культуре прежних эпох была ограничена. В рассматриваемые времена медицинское образование было доступно в равной степени мужчинам и женщинам, монахам и монахиням.

Ринчен Данжинов обладал обширными знаниями в области таких сложных научных дисциплин, как астрономия и астрология и пользовался среди агинцев славой искусного предсказателя. В записи Г.-Д. Нацова от 31 мая 1930 г. читаем: «Он (*эмчи*-бакша. – Л.М.) занимался не только лечением, он и умел предсказывать (*абарал узел*)...» [5, с. 64–65]. Местное население обращалось к нему за консультациями и советами, по просьбе верующих Р. Данжинов составлял персональные гороскопы, учитывая расположение небесных тел на небе в определённый период. Гороскопы служили хорошим ориентиром в деле поддержания гармонии в повседневной жизни, совместимости супругов, определения количества и времени рождения детей, прогнозирования благоприятных дней для проведения ритуалов. Особое внимание уделялось медицинской астрологии: традиционные врачи, как правило, специализировались в этой отрасли астрологических знаний. Здесь главную роль играли совместимость врача и пациента, указание времени приёма лекарств и проведения ритуалов, направленных на скорейшее выздоровление. «Тибетская

астрология и медицина являются по существу двумя разделами (внешним и внутренним) одного единого учения о недвойственной по своей окончательной природе вселенной» [6, с. 12].

Возможно, Р. Данжинов вник в суть тибетской астрологической системы, представляющей собой своеобразный синтез индийской («белой», *skar rtsi*) и китайской астрологии («чёрной», *pag rtsi*), обучаясь на астрологическом факультете (*rtsis grwa tshang*) Агинского дацана Таши Лхундуб линг, который был основан по инициативе упоминавшегося выше пятого настоятеля монастыря Галсан-Жимбы Тугулдунова¹², занимавшего эту должность в 1858–1872 гг. Открытие этого факультета положило начало интенсивному изучению астрологической науки как неотъемлемой части целостного буддийского образования среди агинских бурят.

Г.-Ж. Тугулдунову принадлежит авторство астрономического трактата «Основы астрономии», написанного на тибетском языке в 1867 г. По всей вероятности, этот труд явился базовым пособием для студентов астрологического факультета при Агинском монастыре. Не исключено, что буддийский бурятский мастер и известный учёный Г.-Ж. Тугулдунов, являвшийся в той или иной степени современником будущего медицинского авторитета Ринчен Данжинова, был его наставником по тибетской медицине и астрологической науке. Возможно, Г.-Ж. Тугулдунов даровал Р. Данжинову определённый набор наставлений (*lung*) и посвящений (*dbang*), которые открывали перед ним возможность познания глубин медицинской культуры Тибета, проникновения в её тайны. Тем более что никакое обучение, будь то грамматика или какая-либо другая наука, не начинается в Тибете без выполнения ритуала, который получил название *лунг*, «наставление» (см.: [1, с. 39]).

В «Путевых дневниках 1903–1907» крупный востоковед Ц.Ж. Жамцарано (1881–1942), бурят по национальности, создал выразительный образ прославленного медика: «29 [июля] (1905 г. – *Л.М.*) виделся со старцем эмчи-ламой Данжиновым, замечательным человеком. Монах идеальный, один из самых лучших медиков, самый стойкий и умный радатель за благо всех и каждого, почти единственный лама, ратующий за просвещение мирян и в особенности женщин. Его средствами и под редакцией вышло много хороших книг. В некоторых общинах он основал религиозно-просветительские хуралы (периодические собрания). Я во всём Забайкалье и Урге (прежнее название Улан-Батора. – *Л.М.*) не видывал такого святого монаха. Только его старший брат Жигжед¹³ Доржи Данжинов, покойный ширетуй Агинского дацана, по своей святости, уму и ревности к благу всех и каждого мог сравняться с эмчи-ламой. Оба брата представляют тех людей, про которых

пишутся истории» [3, с. 273–274]. В записи от 20 мая (1905 г. – *Л.М.*) Ц.Ж. Жамцарано отмечает, что Ринчен Данжинов среди забайкальских бурят знаменит как бакши, бодхисаттва и врач [3, с. 225]. Приведём ещё одно свидетельство Ж.-Ц. Жамцарано: «Старцу эмчи-ламе Ринчен Данжинову было в то время 89 лет, но он сохранял ясность ума и отличался прекрасной памятью».

Удивительная способность бурятских лам-монахов (само слово «лама» имеет в основе *bla ma*, сокращённый вариант от *bla med*, что в переводе на русский язык означает «Выше нет»), как, впрочем, тибетских и монгольских лам, сохранять свежесть ума даже в глубокой старости, объясняется постоянным ментальным тренингом, основанном на махаянской системе тренировки ума (*blo sbyong*). Заучиваются наизусть не только многочисленные молитвы, читаемые во время служб, обрядов и ритуалов, но и объёмные научные тексты, порой имеющиеся в своем корпусе до тысячи и более страниц, и являющиеся важной составной частью обязательной программы обучения на специализированных факультетах монастырских университетов. Знание наизусть трактатов и свободное цитирование фрагментов из большого набора источников являлось и является показателем большой учёности в странах Центральной Азии.

Ринчен Данжинов проделал титаническую работу по организации учебного процесса. Образование на вновь открытом факультете базировалось на учебной программе Цугольской медицинской школы. Во-первых, это объяснялось географической близостью дацанов; во-вторых, общностью медицинских традиций, привнесённых бурятскими и монгольскими учёными-медиками в Цугольский и Агинский манба дацаны. На медицинском факультете Агинского дацана не только велась подготовка будущих медиков. Высококвалифицированные бурятские исследователи-врачи занимались научной работой, писали свои собственные сочинения, делали конспекты и выписки из тибетских фундаментальных медицинских источников с комментариями и пометками, переводили учебную литературу с тибетского языка на старомонгольский, считавшийся литературным языком бурят до начала тридцатых годов прошлого столетия.

Кроме того, они внесли неоценимый вклад в разработку понятийно-терминологического аппарата традиционной медицинской науки. Составленные ими тибетско-монгольские словари медицинских терминов не потеряли актуальности в эпоху глобализации. Бурятским *эмчи* приписывается авторство рецептурных справочников-*чжоров* (*sman sbyor*, букв.: «Собрание лекарств»), в которых представлена реформированная рецептура с использованием растительного лекарственного сырья из богатой флоры Забайкалья. Такое обновление

рецептуры с учётом особенностей флоры и фауны Забайкалья в определённой степени приводило к созданию нового рецептурного варианта, характерного только для регионов расселения бурятского этноса.

Некоторые *чжоры* написаны на тибетском языке, игравшем для этнокультурного монгольского региона приблизительно такую же роль, как латынь для народов Западной Европы. Этот факт служит свидетельством исключительной образованности бурят и позволяет говорить о появлении своеобразной литературы на бурятской этнокультурной почве, созданной интеллектуальной элитой. В каждом *манба дацане* пользовались своими справочниками, они могли быть либо авторскими, либо анонимными, и в последнем случае носили название того дацана, где имели широкое хождение.

Ю.Ж. Жабон в статье «О тибетской коллекции библиотеки П.Б. Балданжапова» сообщает о наличии в личной библиотеке учёного 13 медицинских справочников, хранящейся в Центре восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Автор статьи обращает внимание исследователей на рукопись медицинского рецептурного справочника, написанного тушью в виде сброшюрованной книги на 175 страницах с колофоном на старомонгольском языке, где говорится: «Эта книга, составленная в виде сборника бурятских, монгольских [медицинских] рецептов, которой пользовался известный лама-лекарь Агинского дацана Данжинов, 17 марта 1937 г. была передана мне Генин-Дарме Нацову рабжа-ламой Сунидом со словами: „Эта книга – чрезвычайно тайные наставления, и поэтому нельзя никому давать или показывать“. Под книгой, переданной [с такими словами], специально расписываюсь: Генин-Дарма Нацов» [2, с. 161].

Видимо, рецептурный справочник, о котором шла речь выше, был составлен *эмчи* Р. Данжиновым для личного пользования. В прежние времена *эмчи* вручную составляли лекарства у постели больного, имея с собой небольшой набор необходимых и доброкачественных ингредиентов. Составленные таким образом препараты были своего рода лекарствами для экстренной помощи. Они не имели в своём составе большого количества компонентов, но всегда были свежими и отличались исключительно высокой эффективностью. Эта практика имела хождение и в Тибете, откуда вместе с распространением буддизма проникла в Монголию и Бурятию.

По просьбе первого переводчика фундаментального трактата по тибетской медицине «Чжуд-ши» на русский язык высококвалифицированного медика П.А. Бадмаева (1849–1920) *эмчи*-бакша провёл три года в Петербурге, где работал над переводом тибетского медицинского справочника. К сожалению, в доступной нам литературе не

удалось обнаружить его титульного названия и выяснить, на какой язык он переводился. Трудно представить, что традиционный врач Ринчен Данжинов из Агинских степей владел русским языком, скорее всего он занимался переводом тибетского рецептурного справочника на старомонгольский язык. Для П.А. Бадмаева не составляло трудностей осуществить перевод Р. Данжинова с монгольского языка на русский, так как он прекрасно владел русским языком, не говоря о монгольском, который являлся для него родным. Не исключено, что *эмчи*-лама создал монгольскую версию справочника для П.А. Бадмаева для пользования в каждодневной практике, поскольку маститый врач, лечивший членов царской семьи, членов правительства и представителей аристократических кругов, нуждался в надёжной рецептуре.

Мудрые познания бурятских лам в отношении целительных свойств флоры и фауны и в области тибетской медицинской культуры были привлекательными для многих. М.А. Зензинов (1805–1873), краевед и естествоиспытатель, почётный гражданин г. Нерчинска, посвятивший себя изучению Байкальской Азии и полюбивший этот край, писал: «Восток – чудная страна по своим тайнам и сокровищам и доселе ещё не разработанных, в ней была колыбель народов и зарождение, и процветание мудрых познаний человека: из этой сокровищницы не почёрпнуто весьма ещё многое» [7, с. 250]. Краевед сообщает, что он изучал тибетскую медицину у бурятских лам. Своим искусством врачевания с ним делились Жимба (имеется в виду Галсан-Жимба Дылгыров, седьмой настоятель Агинского дацана) Дылгыров, Племба Кукшинов, Ампил Сологов из Цугольской кумирни [7, с. 250].

М.А. Зензинов, видимо, отличался удивительной наблюдательностью, в своих трудах он отмечает: «Нельзя не отдать благодарности здешним Ламам, Духовным лицам кочующих Бурят и Тунгусов. Любознательность их открыла здесь многое в отношении познания целительных трав и деревьев. Совершенное изучение ими языка Тибетского, на коем составлены целые книги о распознавании трав, дало мне возможность, при знакомстве моём с Ламами, открыть множество растений, замечательных по своей силе и целительности, произрастающих в Даурии» [4, с. 180–181]. Из этого небольшого фрагмента видно, что М.А. Зензинов не только посещал Агинские дацаны, но и проявлял повышенный интерес к тибетской медицине, в то время совсем неизвестной или малоизвестной европейцам и, может быть, казавшейся многим из них экзотической медицинской системой.

Личное общение с местными ламами, способствовало изучению абсолютно новой для М.А. Зензинова медицинской науки. Краевед много путешествовал по сакральным местам, собирал местное сырьё растительного происхождения и изучал их целебные свойства. Он

отличался большими художественными способностями и мог рисовать растения акварельными красками с натуры. М.А. Зензинов создал большую коллекцию лекарственных растений Забайкалья, но, к сожалению, у нас нет сведений о месте её хранения. Кроме того, его внимание привлекало сырьё минерального и животного происхождения, являющееся составной частью сложных тибетских медикаментов.

М.А. Зензинов с большим старанием изучал принципы составления многокомпонентных тибетских препаратов, стремился вникнуть в структуру рецептурных справочников и, руководствуясь советами бурятских практикующих медиков, составлял лекарства. Преимущество М.А. Зензинова заключалось в том, что он великолепно владел монгольским языком, что давало ему уникальную возможность общаться с ламами. Записывая на монгольском языке под диктовку лам содержание тибетских медицинских текстов, он впоследствии перевёл многие из них на русский язык и глубоко вник во многие аспекты тибетской медицинской культуры, включая и растительное лекарственное сырьё.

Мы обратились к деятельности краеведа и естествоиспытателя М.А. Зензинова по той причине, что он, видимо, учился у Ринчена Данжинова, хотя в своих записях он упоминает имя только его старшего брата, седьмого настоятеля Агинского дацана Жимбу Дылгырова (вероятно, он использует краткое, обиходное среди агинских лам имя Галсан-Жимбы. – *Л.М.*). Даты жизни М.А. Зензинова указывают на то, что он мог жить в этом монастыре и собирать интересующий его материал до официального открытия *манба дацана* в 1884 г. Известно, что бурятские *эмчи*-ламы плодотворно работали в Агинском буддийском монастыре и до открытия *манба дацана*, так как в литературе имеются свидетельства о том, что *ширети* (настоятели) были не только энциклопедически образованными учёными в области буддийской философии, но и владели высоким искусством врачевания, основываясь на глубоком знании тибетской медицины.

Братья Данжиновы были известны среди бурят как профессиональные издатели и меценаты, жертвующие большие суммы на издание памятников тибетской и монгольской письменной культуры. Определённый интерес к их издательской деятельности проявлял проф. Г.Ц. Цыбиков (1873–1930). Литература разных жанров, изданная в книгопечатнях Цугольского и Агинского дацанов, занимала достойное место в личной библиотеке учёного. Среди верующих мирян особой популярностью пользовались дидактические сочинения, написанные настоятелем Г.-Ж. Данжиновым. Наставления касались различных аспектов поведения человека, они заучивались наизусть и произносились по каждому удобному случаю.

В 30-е гг. XX в., когда начались массовые репрессии лам, многие из которых были сосланы или отправлены на поселение в другие районы нашей страны, Агинский *манба дацан*, как и множество других бурятских дацанов, был закрыт. Второе рождение Агинского *манба дацана* состоялось в 1993 г. Его открытие инициировал Бабулама (в миру Владимир Чимитдоржиев). Манба дацан получил официальное название – Агинский Бурятский Буддийский Институт. Он имеет статус Агинского филиала Института тибетской медицины и астрологии в Дхарамсале (Индия). Ряд студентов и выпускников Института повышают свою квалификацию в учебных заведениях Индии и Монголии.

Традиции, заложенные прославленным бурятским доктором, *эмчи*-ламой Ринченем Данжиновым ещё в конце XIX в., продолжает вновь открытый Институт, где глубоко изучается богатое наследие тибетских медицинских авторитетов и осваиваются медицинские дисциплины, являющиеся важными структурообразующими элементами целостного медицинского образования. В настоящее время в учебном процессе широко используются инновационные методы и современные технологии обучения.

Примечания

¹ Тибетское слово «дацан» означает небольшой монастырь или факультет. Традиционно в Бурятии используются оба значения этого слова.

² Агинский дацан (1811 г.) наряду с Цугольским (1826 г.) и Зугалайским (1826 г.) входил в ведомство Агинской степной думы.

³ В литературе он также известен под именами Лубсан Доржи (blo bsang rdo rje), Енцзон багша и ширетуй Енцзон ламахай.

⁴ Г.-Д. Нацов указывает год смерти 1901 г., и отмечает, что он на «75-м году жизни умер» [5, с. 61].

⁵ Г.-Д. Нацов называет дату 1878 г. (см.: [5, с. 61]).

⁶ Основываясь на данных Г.-Д. Нацова, он был *ширетуем* вплоть до своей смерти в 1901 г. (см.: [5, с. 61]).

⁷ Слово «дуган» имеет два значения: 1. небольшой храм, обычно посвящённый конкретному божеству; 2 храм-школа, где проводятся занятия, в данном случае «манба дуган» означает школу, где проводят занятия по медицине.

⁸ Г.-Д. Нацов (1912–1942), воспитанный в буддийском монастыре, получивший добротное буддийское образование и учёную степень, стал под влиянием Великой Октябрьской революции атеистом и выполнил описание религии во многих регионах этнической Бурятии. В истории бурятской культуры он известен как крупный этнограф-собирающий. Его именной фонд, состоящий из 268 единиц хранения, хранится в Центре восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН в г. Улан-Удэ. Уникальные записи этнографа сделаны на

старомонгольском языке, что создаёт большие трудности для их скрупулёзного изучения специалистами, не владеющими старомонгольским языком.

⁹ Тибетское название «лавранского манба дацана» Сориг Шенпенлинг (sman grwa tshang gso rig gzhan phan gling). Он основан Вторым Чжамьян Шадба по имени Жигме Вангпо (‘jams dbyangs bzhad pa sku phreng gnyis pa ‘jigs med dbang po, 1728–1791) в 1784 г. *Манба дацан* пользовался известностью не только в Восточном Тибете, но и в этнокультурном монгольском регионе.

¹⁰ Слово состоит из двух морфем, *эмчи* – слово уйгурского происхождения и в переводе на русский язык означает «традиционный доктор». Оно вошло в тибетский и монгольский языки. В тибетском языке *эмчи-ла* с добавлением уважительной частицы *ла* является обращением к любому традиционному тибетскому доктору. *Бакшиа* в переводе с уйгурского имеет значение «учитель, наставник», слово широко используется в лексике монгольских языков. В современном бурятском языке оно употребляется в этом значении в равной степени, как к духовному наставнику, так и к светскому Учителю.

¹¹ Эквивалент санскритского слова гуру (gu ru), в тибетском буддизме собирательное название Учителя, прошедшего обучение и обряды посвящения.

¹² Г.-Ж. Тугулдуров достиг высокой учёности в области буддийской философии, истории, языкознания, астрономии и тибетской медицины. Он составил «Тибетско-монгольский словарь» – «Синонимика названий лекарственного сырья, о которых рассказывается в медицинских трактатах» (sman gzhun bshad pa'i sman mams ku'i mngon brjod pa). Словарь был издан ксилографическим способом в 1869 г. типографией Агинского дацана и включает 220 л.; являясь важным лексикографическим пособием для перевода с тибетского языка на монгольский, словарь не потерял актуальности в наши дни.

¹³ Неизвестно, почему Ц.Ж. Жамцарано называет Галсан-Доржи Данжинова Жигжедом.

Литература

1. *Давид-Неэль А.* Посвящения и непосвящённые в Тибете. М., 2004.
2. *Жабон Ю.Ж.* О тибетской коллекции библиотеки П.Б. Балданжапова // Мир буддийской культуры. Чита, 2001.
3. *Жамцарано Ц.* Путевые дневники 1903–1905. Улан-Удэ, 2001.
4. *Зензинов М.А.* О бурятской медицине. Из Нерчинска // Москвитянин, 1844, Ч. 4, № 7.
5. *Нацов Г.-Д.* Материалы по ламаизму в Бурятии. Часть II. Улан-Удэ. Изд-во БНЦ СО РАН. 1998.
6. *Орлов А., Орлова Н., Смолькова М. и др.* Астрология Тибета. М., 2006.
7. *Суркова Н.А.* Михаил Андреевич Зензинов – ученик тибетских лам // Вестник Бурятского университета. Медицина. Серия 11. Вып. 6. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2006.